

Александр Ковалев

Рассказы коронавирусной эры

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Александр Ковалев

Рассказы коронавирусной эры

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Ковалев А. А.

Рассказы коронавирусной эры / А. А. Ковалев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-06568-0

Подборка из небольших рассказов, написанных автором в 2015-2020 годах. Автор основывал сюжеты рассказов на наблюдениях структуры и механизмов мироздания, а также на собственных пророчествах о современном нам настоящем, и будущем, которое нас ожидает. Почти все весёлые герои рассказов много страдают в течении всей жизни, а в конце умирают. Книга удобна для чтения на карантине, и в других местах принудительного и добровольного заточения. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-06568-0

© Ковалев А. А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Бедные люди	5
Преображение	11
Топ-менеджер	12
Абдурахман ибн Хаттаб	15
Смерть	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Бедные люди

Многоэтажку закрыли на карантин в городе N.

На дверь приварили щеколду.

Новости

Шёл второй месяц чрезвычайного положения в городе N, где вовсю разгулялся вирус. Не то чтобы совсем разгулялся, но заболевших было уже много, и именно чтобы болезнь не накрыла страну лавиной, в городах был введен карантин. Люди сидели по домам, выходя на улицу только за продуктами или в аптеку, и то не далее километра от жилища, плюс по мелочам возле дома – вынести мусор или погулять с собакой. На всех празднующихся, кто не мог подтвердить направление своего передвижения, полиция составляла административный протокол и выписывала приличный денежный штраф.

Жители многоэтажки в городе N, в общем-то, к карантину уже привыкли, благо рядом был придомовой магазин и мусорные контейнеры – что ещё нужно человеку, который, с точки зрения биологии, – всего лишь ферма по переработке продуктов в отходы, а вирус, который и есть биология, разумней всего побеждать именно биологией. Зимой, конечно, многие мечтали о том, что, как только сойдёт снег, они выйдут на улицу, будут сидеть на скамейке и петь песни – тихо, чтобы не нарушать законов. Но весна наступила уже при карантине, и теперь по утрам в окна нижних этажей пели только разными голосами птицы, а в окна верхних по вечерам пели дурными криками, мечась тенями в воздухе, летучие мыши с чердака.

Карантин требовал дисциплины, и люди, поддерживая его, изо всех сил старались быть дисциплинированными. Бабушки, каждое утро до того поддерживающие скандинавской ходьбой с палками отказывающие к старости ноги, забыли про ходьбу и легли на свои кровати, погружаясь тихими мыслями в глубины старости. Дети забыли про то, как ходить в школу – впрочем, многие из них этого и хотели. Неудобство им доставляло только то, что играть во дворе было тоже нельзя, но это ведь важно – выработать с детства у человека иммунитет к одиночеству. Люди, привыкая к новому порядку жизни, и открывали многое, и забывали многое. Открывали книги, понимая, что, считая себя начитанными, много лет совершенно не брали их в руки. Фильмы, на просмотр которых раньше никогда не хватало времени. Детей, которые раньше вроде бы и были, но общение с ними было лишь бытовым, открывали для себя с удивлением и ужасом. Домашних котов и кошек, которым раньше доставалась лишь еда, пинки и окрики. Забывали, прилагая для этого все усилия, тоже многое – родственников, невест, друзей и престарелых родителей, живущих на другом конце города. Даже собаки, заботливые друзья человека, желая, чтобы хозяин избежал неприятных разговоров с полицией, кажутся, учились гадить на балконах.

Никто не знал, когда закончится карантин, да и никто уже этим не интересовался – когда закончится, тогда объявят. Всё равно старая жизнь уже оставлена, а к новой уже привыкли – человек привыкает ко всему. Просто когда объявят, нужно будет заставить себя в это поверить.

И вдруг посреди ночи, возникнув в спокойных снах жителей многоэтажки, нарастая до безумия и пробуждая, заставив вскочить с кроватей, – вой многочисленных сирен, отблески мечущихся огней по стёклам окон – красных, синих, белых, топот множества ног во дворе. Не зря мистики говорили, что появление вируса не случайно, что он – преддверие скорого конца света. В доме сегодня обнаружен больной. Люди, как горох, высыпали на улицу, наспех накинув на себя одежду, – навстречу им из-за плотно сомкнутого ряда машин скорой помощи смотрели из темноты, не мигая, точки стволов и зоркие глаза врачей. Голосили сирены, сливаясь в единый вой, что-то грохотало непрерывно, как в цеху огромного завода, усиливаясь, когда сверху, то из-за крыши дома, то навстречу по диагонали, низко пролетала чёрная тень

винтов вертолѐта. Перекрывая ад плотного шума откуда-то с неба, усиленный репродуктором, вещал монотонный голос, то теряясь, то появляясь снова:

«...Именем конституции, законов и предписания о карантине...»

«...Исполняя приказ об охране здоровья народа...»

«...Во избежание собраний, митингов и процессий...»

«...За нарушение всех распоряжений местных властей...»

«...Последует административное и уголовное наказание...»

Из-за машин скорой помощи в проѐмы по одному потоком выходили щиты во весь рост с медицинским крестом – они выстроились перед машинами в линию, сомкнулись и медленно пошли на жильцов дома.

Безумие звуков смолкло, наступила сказочная ночная тишина. Медленно, шаг за шагом уплотнялся строй щитов, вдавливая массу жильцов, как зубную пасту обратно в тюбик, внутрь подъезда.

Пять минут – и со скрипом закрылась железная дверь, которую остался держать плечом, упираясь с усилием ногами в землю, лейтенант скорой помощи. Дверь вздрагивала от толчков, угрожая распахнуться, в её тонком, возникающем проѐме просовывались и исчезали множество ладоней и пальцев.

– Быстрее! – глухим от усилий голосом прокричал он двоим сварщикам, бегом волочившим откуда-то издалека аппарат. – Больше не удержу!

Те дотасили, запыхавшись, и встали перед подъездом, поставив аппарат и не зная, что делать: железная дверь вздрагивала и билась, как живая. Подошёл второй офицер медицины, встал прямо перед ней, достал дубинку:

– Да что ж вы за люди! – и замолотил дубинкой по пальцам, вращая её над головой, как молот, пока не исчезла последняя ладонь и дверь не успокоилась, плотно примкнув к раме. За работу взялись сварщики, и через несколько минут на двери красовалась красивая железная щеколда со свежими сварными швами, которую лейтенант медицины торжественно и со скрипом накрепко задвинул.

Так единственный подъезд многоэтажного дома в городе N был закрыт на карантин в связи с ранее выявленным в нём зараженным вирусом и во избежание последующего распространения опасной инфекции.

Прошло много лет.

В глубине недавно построенного медицинского учреждения города N, называемого в народе просто учреждение, куда если и пускают посторонних, то только в общественную приёмную, а вызывают только повесткой или привозят на скорой, сидел за столом в кабинете полковник медицины и всматривался в документ, будто бы не веря.

– Так, подожди, – спросил он стоящего перед ним младшего по званию врача. – Давай сначала.

– Перебирали архивы начала двадцатых, – раз в сотый начал тот. – Приказ о закрытии дома на карантин есть. Приказа об открытии не подкреплено.

– Может, потерялся? – спросил полковник и сам понял, что спросил ерунду. Не может документ вот так взять и потеряться из старого архива.

Вскоре на адрес многоэтажки выехала бригада скорой помощи в составе лейтенанта-психолога, фельдшера-водителя и двух медбратьев, вооружённых согласно уставу. Бригада вышла и встала перед железной дверью. Лейтенант ощупал и осмотрел задвижку, убедившись, что она закрыта, и приказал остальным подождать в машине. Посмотрел вверх, в окна – кажется, затемнены, ничего не видать. После отодвинул с усилием заржавевшую от многолетних дождей щеколду, приоткрыл дверь и осторожно зашёл внутрь.

Подъезд был равномерно освещён спокойным светом, источник которого лейтенант не увидел, вверх уходила, как и во всех подъездах, лестница с перилами, стены, и всё вокруг было

изготовлено из однородного, похожего с виду на пластик материала с металлическим серым блеском. На первой площадке стояли двое в серых же блестящих комбинезонах в обтяжку, волосы их были бриты под машинку. Оба синхронно и плавно подняли правые руки, обратив их ладонями к растерявшемуся от неожиданности лейтенанту.

– Приветствуем гостя извне! – торжественно, выделяя каждое слово, проговорил один.

– Несколько минут назад мы заметили странную активность за дверью, – дополнил второй.

Вдруг сверху, с лестницы, покотился детский смех – множество детей лет шести, веселясь, стайкой пробежало вниз и скрылось в левой квартире первого этажа. Лейтенант видел их сквозь перила.

– Не обращайтесь внимания, – улыбнулся первый, – у детей скоро урок. Математика. Матрицы высших порядков.

– Если хотите, вы можете поприсутствовать на уроке, – дополнил второй. – Вы первый гость извне за всю нашу новейшую историю.

– Мы можем показать вам также нашу оранжерею, зимний сад, – затараторил первый, – но для этого нам придётся пройти на чердак, биоэнергетический реактор, пищевое производство, галерею искусств, мастерские...

– Кто у вас главный по дому? – прервал его лейтенант.

– Главный? – оба жильца повернулись друг к другу в недоумении, руки их до сих пор были подняты в приветствии.

– Какой, простите? – переспросил второй.

– Старший, – пояснил лейтенант другим словом.

– Зачем? – удивился первый. – Старшие из нас ничем не смогут вам помочь и ничего не смогут показать. Они проводят почти всё время, сидя в зимнем саду. Сами ведь понимаете, что такое старость.

Второй повернулся к первому и снизил голос, обращаясь именно к нему.

– Может, гость хочет, чтобы мы отвели его к кому-нибудь из мудрецов? Например, в пятьдесят восьмую. Или в двадцать пятую.

– В пятьдесят восьмую нельзя, – тихо ответил первый. – Там идёт дискуссия о древнегреческой трагедии. Пойдём в двадцать пятую.

– Уважаемый гость! – обратился второй к лейтенанту. – Мы отведём вас в двадцать пятую квартиру, к одному из наших мудрецов, – и добавил, – только он не старший, ему всего-то шестьдесят с небольшим.

Дверь квартиры открылась на стук. Внутри стоял гражданин средних лет в домашних тапках и синем халате из того же неопределённого материала, что и у двух встретивших.

– Подождите здесь пару минут, – сказал первый лейтенанту, и оба жильца зашли внутрь. Лейтенант же, оставшись снаружи, осмотрел углы потолка лестничной площадки – странно, камер нет – и стал ощупывать стены, пытаясь определить природу неизвестного серого материала.

Вскоре дверь квартиры открылась.

– Пройдёмте внутрь, – пригласил уже тот, кого называли мудрецом, двое же встречавших скрылись в лифте.

– Пожалуйста, в кабинет, – приглашающим жестом гражданин вёл лейтенанта по коридору, и привёл в дальнюю комнату с письменным столом и книжными стеллажами, – здесь я работаю.

– На удалёнке? – понимающе спросил лейтенант, налаживая контакт.

– Нет, просто работаю. Пишу, – и гражданин подал ему стул.

Лейтенант сел и достал бумаги.

– Согласно приказу от 2020 года ваш дом был закрыт на карантин по причине выявления в нём больного и с целью нераспространения вируса задвиганием стальной щеколды согласно установленному регламенту, – начал он и передал документы, – вот копия приказа.

Тот, кого называли мудрецом, взял бумагу и погрузился в чтение. Тем временем рука его опустилась под стол и извлекла из ящика сигарету, кажется, самодельную, которую мудрец медленно вставил в рот и закурил. Комнату наполнил мерзкий запах табака, который, хотя и уходил полностью куда-то под потолком, но вонял всё равно.

– Нельзя, – мягко сообщил ему лейтенант.

– Что нельзя?

– Курить нельзя.

– Простите, у вас аллергия?

– Нет, курение вредит вашему здоровью и наказывается штрафом или арестом.

– Но я нахожусь у себя в квартире.

– Видите ли, – объяснил лейтенант, – пока вы были на карантине, государство стало намного заботливей в отношении своих граждан и теперь заботится об их здоровье даже в их квартирах. Поэтому нельзя вообще. За это полагается административное наказание вплоть до ареста. Но на первый раз, – повеселел лейтенант, стараясь вызвать доверие, – я обязан ограничиться только устным предупреждением. Видите ли, наше административное производство тоже стало намного гуманней и добрее к гражданам.

– Хорошо, предупреждайте.

– Предупреждаю вас, табакокурение вредит вашему здоровью, а также вашему карману в виде штрафа. Но прежде всего здоровью – вашему и окружающих.

– Предупредили? – спросил тот, кого называли мудрецом, продолжая дымить мерзкой сигаретой. – Ведь для первого раза достаточно? Теперь я могу курить? И напомните мне, пожалуйста, когда мы встретимся во второй раз, если я, забыв, соберусь закурить, что мне грозит штраф или арест.

Лейтенант медицины удивился такой наглости, но решил не показывать вида, мысленно списав на некоторое одичание жильцов за время карантина и промолчав ради установки с ними продуктивного диалога и исключения возможных недовольств. После разберутся и узнают законы. Тот же, кого называли мудрецом, дочитал, затушил сигарету и вернул приказ.

– И что же из этого следует? – спросил он.

– Министерство готово принести жильцам вашего дома свои извинения за долгое заточение в карантине, – сказал лейтенант и профессионально покраснел, как учили на курсах.

– Хорошо, – согласился мудрец, – если готовы, то приносите, – то ли не понял, то ли пошутил.

– Кажется, вы не поняли, – поправил лейтенант. – Пока вы были на карантине, государство стало относиться намного бережнее к гражданам и теперь всегда извиняется за свои ошибки, совершённые либо возможные. Для этого выделены специальные пять минут утром по всем интернет-каналам. Вас включают в сетку на будущий месяц и принесут извинения в стандартной формулировке.

Также, – продолжал лейтенант, – государство готово оказать жильцам вашего дома любую помощь – медицинскую, психологическую и даже продуктами и одеждой. Ведь вы же не откажетесь от продуктов?

– Вроде бы у всех всё есть, – задумчиво ответил мудрец. – Но кто же отказывается от продуктов. Поспрашивайте в квартирах, лишним, я думаю, никому не будет. Я тоже подумаю, чего бы хотел – всё-таки наше подсобное хозяйство сильно ограничено площадью и возможностями. После соберём списки, передадим вам – и привозите.

– Кажется, вы опять не понимаете, – сказал лейтенант, – за время, пока вы были на карантине, наше государство стало намного более рациональней помогать людям, так, чтобы иметь

возможность порадовать всех. Продукты, как вы знаете, стоят дорого. Например, апельсины. Ваши жильцы заказывают грузовик апельсинов. Государство за большие, но всё-таки меньшие, чем стоят апельсины, деньги нанимает специалистов-пиарщиков, те работают тремя командами. Первая печатает и расклеивает объявление: «В подъезд завезли апельсины в достаточном всем количестве, теперь их хватает на всех!» Вторая команда приходит с пакетиком апельсинов, стучится в несколько выбранных психологами квартир, дарит в каждой по апельсину и снимает позитивное вирусное видео про счастливую, поедающую апельсин семью. Но, конечно, найдутся и те, кто станет говорить: «Нет никаких апельсинов!», и вот тут подключается третья команда, которая будет смеяться и отвечать, показывая снятое второй командой видео: «Вот, идиоты! Посмотрите, апельсинов полно! Видимо, вы совсем придурики, что не можете их найти!» А те немногие, кто всё равно не поверит в существование апельсинов, – так это распространители фейков, ими займются силовики, у нас сейчас с фейками жёстко.

– Да это же враньё! – возмутился мудрец. – Какая же это помощь?

– А что это, как не помощь? – обиделся лейтенант. – Разве государство берёт деньги хотя бы с одного вашего жильца? Нет! Оно всё делает за свой счёт! Оплачивает само и пиарщиков, и даже силовиков, если нужно! А дарёному коню, знаете ли, в зубы не смотрят!

Жильцы счастливы, – спокойно продолжал он, – апельсинов в доме хоть завались, выше крыши, и все об этом знают. А что такое счастье, как не то, что мы о нём знаем.

– А что такое фейки? – спросил мудрец, подавившись.

– О-о-о, – радостно начал объяснять лейтенант, – фейки – это недостоверная информация. Пока вы были на карантине, наше государство установило одним из основных принципов честность и достоверность любой доводимой до граждан информации. Выдумывание же и распространение фейков грозит серьёзным уголовным наказанием. Проверкой же информации занимаются специальные люди – фактчекеры, которые работают постоянно и уже составили базу из огромного количества фейков вместе с простыми, понятными и доступными каждому их опровержениями.

Например, вот сегодняшняя работа фактчекеров, – лейтенант покопался в бумагах, выудил несколько из них, и лицо его приняло торжественное выражение.

Взяв первый лист аккуратно, как Пушкин первую страницу рукописи «Евгения Онегина», лейтенант задумался. Он вопрошающе поднял брови вверх и искривил рот.

– А правда ли, – протянул он противным, плаксивым, полным любопытства голосом, – что в городе N во время вируса закрыли на карантин многоэтажку, заварив её подъезд на щеколду, да так про неё и забыли?

И тут же встал гордо, прямо, сдвинув брови и сделав серьёзное, но доброжелательное лицо, как и подобает государственному служащему.

– Это фейк, – ответил лейтенант сам себе. – Недостоверная информация. Данные о карантине хранятся в электронных системах, поэтому их невозможно забыть. Карантин был снят сегодня, жителям дома предложена вся необходимая помощь.

Лейтенанта распирало от гордости. Тот же, кого называли мудрецом, тем временем медленно вставал из-за стола.

– Вон! – заорал мудрец страшным голосом, ударив кулаком по столешнице. – Закрывай обратно! – но тут же успокоился. – Провожу я сам, другие слишком молоды, повзрослели на карантине и ничего из того, что вы говорили, не поймут. И не заставляйте нас применять силу – у нас в доме есть лазерные бластеры и ионная пушка.

В медицинском учреждении города N, которое называлось в народе просто учреждение и в даже общественную приёмную которого люди старались не заходить, сутки, не прекращаясь ни на минуту, кипела работа. Новый неизвестный вирус, воздействующий на сознание, заразил целый дом, находящийся под карантином, поразив всех жильцов неизвестной психической болезнью. План составлялся тщательно – никто не знал, что такое ионная пушка и

насколько она опасна. Ночью из ворот выезжали одна за одной машины скорой помощи, и не было им конца. Подъезжая к многоквартирному дому, машины останавливались, пристраиваясь вплотную друг к другу, медики выходили из них и занимали позиции за машинами, держа штурмовым оружием на прицеле железную дверь подъезда. Лейтенанта медицины, как офицера, знающего о произошедшем больше других и видевшего всё вживую, назначили руководить операцией – стоя неподалёку, у головной машины, он отдал медбрату-автоматчику приказ открыть подъезд.

– Дверь закрыта на щеколду, – отрапортовал медбрат, вернувшись.

– Ну, так открой задвижку! – возмутился лейтенант тупостью подчинённого.

– Она изнутри закрыта, – пояснил медбрат, – больные сами приварили щеколду и закрылись изнутри. Бедные люди.

Штурм был коротким. Никаких лазерных бластеров и ионных пушек у больных, конечно же, не было – просто бред, вызванный неизвестным поражающим психику вирусом. Всех их, полным составом дома, погрузили в машины скорой помощи и развезли по психиатрическим больницам страны.

Комиссия осмотрела дом, удивилась использованным в ремонте материалам, теплицам и садам на чердаке и по всем признакам признала жильё элитным. Медицинское учреждение, являясь, как-никак, пятой после журналистов-фактчекеров властью в стране, забрало дом под нужды своих работников. Точнее, забрало – это фейк, просто так сложились звёзды, да и кто, как не медики, профессионально рискуя, должны жить в доме, в котором недавно бушевал неизвестный психический вирус. Лейтенанту досталась двадцать пятая квартира, та самая, в которой когда-то проживал больной, называвший себя мудрецом. Расположившись, офицер медицины наконец-то поднялся на лифте на чердак в оранжерею и впервые увидел, как посреди зимы, радуясь искусственному солнцу, под пение райских птиц расцветают цветы и вишни.

Преображение

Прошло много дней с того полудня, когда Иннокентий впервые ощутил себя птицей.
– Птица? – осторожно спросил у Иннокентия остановивший его полицейский патруль.
– Гусий! – важно и с достоинством подтвердил тот, ответствуя.

Полицейские стояли, сражённые тем, что птица Иннокентий им ответствует. Бывало, что на вопросы им отвечали, иногда извинялись, иногда оправдывались, но никогда не ответствовали. Проникшись уважением к возвышенной птице, патруль развернулся на месте и ушёл, неся весть о чуде своим сослуживцам. Не спросили даже о содержимом его карманов – пистолете, наркотике и запрещённой классической литературе из школьной программы. Впрочем, Иннокентию, ставшему птицей Гусием, ничего из того, что он таскал с собой по жизни, в новом качестве было уже не нужно. Птицы не стреляют из пистолетов, поэтому он подарил оружие маленькой школьнице с ранцем и мутным взглядом. Пять минут – и из здания школы неподалёку раздались звуки расстрела. Птицы не употребляют наркотик, поэтому он подарил запрещённое вещество в открытое окно борделя на первом этаже какого-то учреждения. Птицы не читают книг, поэтому Иннокентий вручил литературу старикам неопределённого пола и возраста, спящим на скамейке возле подъезда.

Думая о случившемся, Иннокентий не понимал только одного – как он не стал птицей Гусием раньше. Птица не знает горя, бедности, жалости, философии, морали, эросов и танатосов. Птица может не принимать участие в социальной жизни, может не иметь денег или уважения в обществе – но может порхать и жалить, порхать и жалить. Между тем, человеческий идиотизм, окружавший Иннокентия, стал виден ему в его новом качестве со всей отчётливостью. Вот люди ковыряли что-то в земле, по очереди ударяя лопатами. Вот другие тыкают пальцем в стену и смеются. Третьи толкают четвёртого, тот падает на пятого. Кажется, люди уже давно рехнулись, сошли с ума, умалившись в своих делах до бесконечно малых точек. И только ему, птице Гусию, ранее тоже бывшему человеком, это стало предельно ясно. Иннокентий представил себе с ужасом, как, останься он человеком, когда-нибудь оказался бы с пулей во лбу, гранатой в животе или петлёй на шее. В тюрьме, нищете, сумасшедшем доме – но птице Гусию не страшны тюрьма и сумасшедший дом.

Но ничего не происходит низачем. Пришла осень, Иннокентий, ставший когда-то птицей Гусием, взмахнул крылами и улетел в тёплые страны.

Топ-менеджер

Всем известна фраза – «Громче потопаешь – больше полопаешь». Давно, когда снимал какую-то очередную квартиру, в подъезде надо мной, на пару этажей выше, жила бабка. Точнее, женщина предпенсионного возраста, но в нашем пространстве женщины зачастую рано становятся бабками. Соседи, даже и молодые семьи, раза в три моложе её, звали её исключительно Варькой, хотя это и странно в отношении женщины в возрасте. Варька работала клининг-менеджером в местном домоуправлении – подметала двор с шести до девяти утра. Денег за работу ей не платили, ведь собственный двор – тоже территория кондоминиума, почти второй дом. Не требуют же деньги люди за то, что убираются у себя дома. Да и клининг-менеджер – не такая уж важная птица. Помрёт от голода один – тут же найдётся другой. Да и в еду сейчас подмешивают повсеместно какую-то химию, так что и здоровый человек может скопытиться, а Варька жила одна, следить за ней было совершенно некому. Поэтому денег в домоуправлении ей за работу не платили. Тем не менее, каждое утро после уборки двора она уже была пьяной – высшие силы часто благоволят к тем, кому не платят люди, посылая им сверху какие-то деньги. В таком виде и поднималась по подъезду на пятый этаж, громко охая.

Первый ох – возле двери, за которой жил дед Макар с большой семьёй – со своей бабкой, многочисленными детьми и внуками. Когда-то у Варьки с Макаром была любовь, но что-то не заладилось, и было это настолько давно, что никто об этом уже и не помнил.

Второй ох – возле квартиры молодожёнов. До них в квартире жил дядя Отто – друг всем соседям, он постоянно копался в гараже в собранной им самим из запчастей машине и предлагал всем помощь – привезти и увезти в больницу, на дачу, на вокзал или кому куда нужно. В перестройку он уехал. Молодожёны ничего про это не знали. Кажется, им было совершенно плевать на то, что в квартире до них кто-то жил с самой постройки дома. Молодожёны же, вселившись, постоянно находились за закрытой дверью, никто даже не знал их имён и фамилий. И, кажется, регулярно, раз в два-три года рожали детей. У Варьки тоже когда-то были дети, но оба повесились, как только выросли, сначала один, а потом второй. Поэтому Варька издавала второй протяжный ох возле квартиры молодожёнов.

Третий ох – выше, возле жилища мента. Не то чтобы у Варьки были причины не любить ментов – она за всю жизнь не имела никаких конфликтов с полицией. Да и мент был уже на пенсии, старый, намного старше её самой. Просто у мента была огромная служебная пенсия, такая, что и захочешь голодать – не получится. Мысль об этой пенсии и была причиной третьего Варькиного оха.

Четвёртых ох – возле квартиры, которую старуха Петровна уже лет десять сдавала разным студентам. По слухам, у старухи во владении было квартир, наверное, десять в разных подъездах двора. Несколько лет назад у неё случилась в реанимации клиническая смерть, во время которой Петровна увидела всё то, о чём говорят другие, – туннель и огромный шар света в его конце, от которого исходило добро и спокойствие. Светящийся феномен будто бы с любовью погладил её по голове, сообщил, что ещё не пора, и вернул обратно на землю. Петровна совершенно не впечатлилась добром и спокойствием, восприняв то и другое как забавный, но бесполезный мультфильм, а в любви она разочаровалась ещё в юности. Тем не менее, старуха поняла, что смерть может прийти неожиданно, что она не за горами, а, возможно, поджидает за углом, поэтому надо рвать у жизни всё, что можно, не теряя ни секунды. Так она и приобрела за несколько лет десяток квартир для сдачи в аренду – чуть кто из соседей по двору начал жить плохо, Петровна писала на него клязу в домоуправление и забирала квартиру. Она писала пару раз и на Варьку тоже, но делу не дали ход – домоуправление, как и наша власть, может не платить денег, но никогда не сдаёт своих. Почему же Варька охнула четвёртый раз возле этой квартиры? Вот уже полгода её снимали студенты-индусы. Варька никогда до того не

видела живых индусов. Хотя слонов видела в зоопарке не раз. Индус и слон – разве не вместе идут по жизни? Как Куклачёв и кошки. Как пограничник Мухтар и его собака Ко Мне. Но, кажется, индусы не признавали своих сакральных обязанностей в отношении слонов – они не говорили по-русски и тоже сидели, закрывшись, в квартире, как Электроник в своём чемодане в поисках приключений. Именно этим непониманием объяснялся четвёртый ох Варьки.

Таким образом, каждое утро она была как сказочная Алиса, падающая в бесконечную кроличью нору, – только Варька не падала, а поднималась по лестнице, возносясь от одного оха к другому, пока не закрывала за собой дверь квартиры.

В одно из утр Варька, как обычно, уже пьяная, начала свой крестный путь по подъезду наверх чуть позже обычного. Во дворе она разговорилась с местными алкашами на скамейке и услышала от них странную новость – основатель «Алиэкспресс» Джек Ма принял решение оставить пост топ-менеджера компании. Так и заявил: «Устал, надоело, не хочу больше быть топ-менеджером. Хочу вырастить капусту у себя в огороде. После сфотографирую, – объяснял он удивлённым репортёрам. – И отправлю фото своему другу Илону Маску. Смотри, скажу, Илон, – капуста. Как тебе такое?» Варька и местные алкаши, обсуждая этот поступок, сначала сочли его безответственным. Но, подумав, решили – Джек прав. Именно так нужно уходить – на взлёте. Победив во всём, доказав всем, создав собственный мир – покинуть его, чтобы вырастить капусту. «Молодец Джек, – кричал, встав на табурет, бывший актёр театра. – Ты навсегда останешься топ-менеджером наших сердец!» Алкаши даже решили написать Джеку письмо поддержки. Бывший журналист взял в руки карандаш, лист бумаги и тщательно вывел: «Джеку Ма от карагандинских текильерос». Другой алкаш, бывший работник почты, согласился доставить письмо в Китай, в самые потайные глубины этой загадочной страны. Но ничего более не написали – переборщили, как обычно, напились и заснули на скамейке в обнимку.

Варька, вступив в подъезд, начиная свой обычный крестный путь, занесла ногу над первой ступенькой. «Когда уходят топ-менеджеры, – думала она, – кто-то обязательно должен ими становиться. Иначе жизнь остановится, и мир рухнет. Но как это – быть топ-менеджером? Наверное, нужно громко топтать. Громче потопашь – больше полопашь», – вспомнила она пословицу из детства и опустила ногу на ступеньку так, что грохот, отскакивая от стен, устремился вверх по подъезду. Варька пошла наверх, громко и с силой топая каждым шагом. Квартиры молчали. На первом этаже она почувствовала, как дед Макар, затаившись, смотрит на неё в перископ дверного глазка. На втором из запертой наглухо квартиры вывалился один из молодожёнов. «Варька! – зашипел он. – Ты, что, с ума сошла? Дети спят!» Варька, не обращая на него внимания, протопала наверх мимо индусов, топая им специально, как индийский слон, и закрыла за собой дверь квартиры.

Начиная с тех пор она топала каждый день, поднимаясь утром к себе домой. Неизвестно, как у престарелой и хрупкой женщины получалось топтать так звонко. Даже я как-то открыл дверь и вышел утром в подъезд – не потому, что Варька мне мешала, а просто чтобы спросить, что всё это значит и зачем человеку так громко топтать. Вместо ответа Варька изобразила «Тьфу!» в мою сторону и направилась мимо вверх по лестнице, бормоча себе под нос. «Ваши беды и ваши радости... Ваши любви и ваши ненависти... – различалось в этом бормотании. – Ваши закаты и ваши рассветы... Ваши муссоны и ваши пассаты...»

Прошёл год, и за этот год Варьке, ставшей топ-менеджером, тоже удалось изменить мир до неузнаваемости.

Дед Макар с первого этажа, смотря каждое утро на неё в глазок, кажется, что-то вспомнил и, устыдившись, теперь старался ей не показываться, да и вообще перестал выходить из квартиры. Позже оказалось, что он умер от старости и стыда. Домашние, не зная, что делать с ним, мёртвым, забальзамировали труп и устроили в кладовке что-то вроде мавзолея. Про это прознала вездесущая старуха Петровна, настав на квартиру шпионов с акимата. Семью высе-

лили, а вместо них в арендованное жильё въехали ещё одни весёлые индусы, распространяя по подъезду радостную вонь от горящих навозных палок.

У молодожёнов один из несмышлёных младших детей по имени Пиздюк каким-то образом вышел из запертой наглухо квартиры и пошёл вниз, громко топая в подражание Варьке, научившись, таким образом, от неё плохому. Вышел из двери подъезда и пропал навсегда. Его искали, но не нашли. Впрочем, молодожёны не сильно расстроились – помимо Пиздюка, детей у них оставалось ещё много. Трагедия случилась немного позже, в Новый год. Молодожёны ждали Деда Мороза с подарками, но вместо Деда Мороза к ним пришёл сбежавший из дурки псих и маньяк Конь Ебал Лектор, привлечённый в подъезд Варькиным топотом, и перерезал глотки всей семье – от мала до велика. Преступление так и не раскрыли, потому что главврач дурки авторитетно заявил, что никакого маньяка Конь Ебал Лектора в его лечебнице никогда не было и быть не могло, а все подведомственные ему психи – добрые, мирные и в высшей степени интеллигентные люди.

Уже и старуха Петровна вилась вокруг опустевшего жилья аки коршун. Но квартира пустовала недолго – из Европы, где согласно предсказаниям российского телевидения всё-таки случился кирдык, вернулся дядя Отто. Как и раньше, он проводил всё время в гараже, спятив, собирая из запчастей от старых машин и механизмов звездолёт системы «Шаттл» и обещая каждому из соседей, если кому станет невыносимо жить на Земле, так, что уже некуда, отвезти по окончании постройки забесплатно по-соседски на ближайшую обитаемую планету. Оставленная же им Европа, по слухам из телевизора, уже опустела, лишь геи в нацистской форме рассекали на постапокалиптических мотоциклетах по выжженным радиацией пустошам, грабя и убивая тех, кто ещё не уехал.

Индусы внезапно бросили обучение и улетели в закат, к себе на родину. Получив благословение местных жрецов и опоясавшись освящёнными вересами, они прошли всю Индию из конца в конец, прося прощения у каждого встреченного ими слона – за себя, за других и за всё несмышлёное человечество.

Варька же, как и всякий топ-менеджер, вскоре устала – топать по ступенькам изо всех сил каждый день пожилой женщине тяжело и морально, и физически. «Я устала, – сказала она с достоинством в домоуправлении. – Я ухожу на покой. Буду выращивать капусту». Но домоуправление, как Коза Ностра, никогда не забывает своих. На следующий праздник через полгода бывшие коллеги собрали Варьке посылку, и чего только не было в этой посылке. Консервы рыбные и консервы мясные. Яйца курицы и яйца перепелов. Ракетки для настольного тенниса. Шапка-пидорка с надписью «Йо, мазафака». Майка с надписью «Металлика» и изображением чёрта. Китайская лазерная указка. Саморезы. Канцелярские скрепки. Постучали в дверь, но им никто не открыл. Пришлось ломать. Войдя внутрь, сотрудники домоуправления увидели Варьку, висящую в петле посреди комнаты. На подоконнике же в кадке с землёй рос огромный кочан капусты, перекатываясь и переливаясь всеми цветами радуги в солнечном супе.

Абдурахман ибн Хаттаб

Вот и случилось в стране то, чего давно ожидали, но подобное всегда происходит неожиданно. Люди думают – завтра, или через неделю, или через месяц, а оно происходит сегодня. На улице дул зимний ветер невиданной силы, и казалось, что от этого ветра что-нибудь обязательно упадёт. Мы проснёмся, выглянем в окно – а там ничего нет, всё унесло ветром. Министры и чиновники побежали из страны, бросая важные бумаги прямо посреди улицы. Легавые из Интерпола и Гааги висели у них на хвосте – где уж тут думать, бежать надо. Один министр даже спрятался в шкаф, как делал это в детстве, но международные копы шли по следу с ловкостью сторожевых собак. Впопыхах кто-то оставил на улице ядерный арсенал, и его нашёл Абдурахман ибн Хаттаб, молча улыбнувшись в огромную чёрную бороду. Не то чтобы у террористов были какие-то известные враги или они хотели взорвать какой-то особо мешающий им объект – они ни с кем не враждуют, а просто хотят выдать всему миру ядерный пендаль. Абдурахман ибн Хаттаб подумал, что атомный взрыв лучше будет совершить в некотором отдалении от города – так его увидит значительно большее число людей. Он сел в пригородный автобус и вылез посреди степи на безымянной остановке. Вкопал ядерный арсенал в снег наподобие новогодней петарды и, отойдя на безопасное расстояние, чиркнул спичкой. Жители города обернулись в ту сторону, где из земли на её границе с небом вырос огромный огненный шар. Ужасный зимний ветер вдруг стих, и вокруг стало тепло, как летом. Горожане выходили на улицы и смеялись. А в степи неподалёку, сидя на покрытом рунами древнем камне, улыбался коварный Абдурахман ибн Хаттаб в свою чёрную бороду.

Смерть

Иван родился в огромном колхозе, больше напоминающем посёлок, в нём даже была пара пятиэтажных домов, в квартире одного из которых и жила его семья. Мать с отцом в перестройку начали пить, да так и пили каждый день, сколько Иван их помнил. Сам же он тогда ходил в школу, в четвёртый класс, на другой конец посёлка. Однажды его остановили по пути старшаки, которых он знал в лицо, а по именам не знал, и потребовали денег. Иван послал их матом подальше, благо, матерились в колхозе все с детства. За это его избили сильнейшим образом, выбив один из зубов, и с тех пор каждый день то подлавливали по пути, то поджидали возле дома или школы. Родители ничего не замечали, потому что всегда были пьяны, так что пожаловаться ему было совершенно некому, да и не дело это – жаловаться. Пару раз Иван пытался сам, защищаясь, броситься на старшаков с кулаками, но бесполезно, они были внушительней, старше на много лет и закалённые в уличных драках. Мучительно думая о причинах подобной ежедневной пытки, Иван строил предположения, почему именно ему, ничем, по сути, не отличавшемуся от сверстников, выпала подобная участь. Возможно, потому, что он отвечал старшкам дерзко, метко и назло, но слова от обиды каждый день сами неслись за ними вдогонку. Впрочем, ничего сделать было уже нельзя, Иван понимал, что его ежедневная экзекуция вошла у них в привычку и стала чем-то вроде ритуала. Старшаки же называли Ивана жидом и уже не только били каждый день, но, избив так, что он не мог встать, валяли его в грязевых лужах или мочились на него сверху. Так прошло детство...

Окончив школу, Иван тут же уехал в город поступать в институт. Пьяные родители сказали, что гордятся им, и отпустили с миром. Первый день знакомства с институтской группой произошел в колхозе, куда их всех отправили на неделю убирать картошку. Однокурсники были приветливыми людьми, рассказывали свои истории, и Иван впервые с радостным удивлением обнаружил, что сегодня его, кажется, впервые за долгие годы бить никто не будет. Впрочем, как именно нужно жить новой жизнью и быть среди людей – Иван совершенно не представлял. В школе одноклассники знали, что старшаки имеют на него зуб, и поэтому всячески избегали общения. Здесь же всё получалось само собой, так, что даже по возвращении с картошки в город три однокурсника, снимавших вместе квартиру, подселили его к себе. Денег у Ивана совершенно не было, его пустили жить бесплатно – за что он испытывал постоянный стыд и пытался компенсировать работой по дому и другими мелкими услугами, например, походами в магазин. При этом его, кажется, считали интересным человеком – что неудивительно, ведь отсутствие общения в школе он восполнял множеством книг и прочёл их столько, сколько никто в его возрасте и институтской группе.

Прошло время, Иван начал осваиваться в жизни и на третьем курсе влюбился без ума в одноклассницу. Любовь заключалась в том, что он каждый день провожал её из института, и они гуляли до самой ночи по городу, то по лужам, то по снегу, в зависимости от времени года. Они играли в снежки, смеялись, качались на качелях в парке или просто шли молча по багровым осенним листьям. Иногда она звала Ивана к себе домой и поила чаем – одноклассница тоже снимала квартиру и жила с подругой, которая часто уезжала на выходные. Иван тогда пытался осторожно обнять её и поцеловать нежно в губы, но одноклассница отводила лицо, он же и сам убирал руки, боясь сделать ей больно. Продлилось это два года, после же, не найдя в один из дней её в институте, Иван, мучаясь от беспокойства и страха за свою любовь, пошёл к ней домой после занятий. Дверь открыл мужчина в возрасте – как оказалось, родственник, вся квартира была полна родственниками, Иван видел в проём приоткрытой двери, как они ходят туда и сюда по коридору. Последние два года одноклассница ждала жениха из армии и дождалась сегодня – по этому поводу они и собрались. Узнав, что Иван учится вместе с его

племянницей, открывший дверь пригласил его внутрь, но он вежливо отказался и, повернувшись, ушёл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.